поверхностного знакомства с текстом или даже случайных наблюдений. Не выходят за рамки поверхностных описаний и характеристики этого памятника в обзорных работах (наиболее подробная из них — у В. С. Иконникова).[1]

Советскими литературоведами и историками было изучено большое количество летописных памятников XVI—XVII веков, однако НIIIЛ оставалась совершенно неисследованной.

В 1947 году С. К. Шамбинаго опубликовал специальную работу о НIIIЛ,[2] которая до настоящего времени является единственным исследованием, посвященным этому памятнику. Автор выдвигает интересную и оригинальную концепцию, основанную на сопоставлении НIIIЛ с так называемой Иоакимовской летописью, начальная часть которой опубликована В. Н. Татищевым.[3]

Основные положения статьи С. К. Шамбинаго могут быть сформулированы следующим образом.

1. НIIIЛ издана неполностью. Она имеет начало легендарного характера, читающееся в рукописях перед опубликованным текстом летописи (рукописи Библиотеки СССР им. В. И. Ленина — Р. 250 и Р. 252 и Гос. Исторического музея — № 2513 Музейного собрания, № 1790 собрания Е. В. Барсова и № 784 Синодального собрания).[4]

2. Легендарная часть тождественна известной нам части Иоакимовской летописи. Последняя представляет собой несколько сокращенный вариант (или редакцию) этого памятника.

3. Утраченная часть Иоакимовской летописи соответствовала опубликованной части НIIIЛ, так как начальные части обеих летописей совпадают, а подробный рассказ о крещении Новгорода, читающийся в конце известной части Иоакимовской летописи, свидетельствует о близости ее к новгородским сводам, где среди известий о событиях внутренней жизни Новгорода «первое место занимают дела церковные».[5] Следовательно, НIIIЛ в ее полном виде (вместе с легендарной частью) тождественна Иоакимовской летописи в ее полном виде (вместе с утраченной частью).

4. НIIIЛ оканчивается известиями 1674 года о митрополите Иоакиме, который еще занимал в этом году новгородскую кафедру. В начале Иоакимовской летописи сказано, что ее автором является «святитель Иоаким». Поскольку обе летописи являются вариантами одного свода, следует полагать, что он был составлен по инициативе митрополита Иоакима во время его пребывания в Новгороде. Общая картина деятельности Иоакима говорит в пользу этого предположения.

Говоря о полной неизученности НIIIЛ, мы имели в виду также и работу С. К. Шамбинаго: она изобилует неточностями и ошибками. Многие из приводимых автором данных о рукописях не соответствуют действительности. Выводы же С. К. Шамбинаго опираются частью на эти неверные данные, частью на догадки, не проверенные исследованием текстов. Введение С. К. Шамбинаго в научный оборот двух новых, неизвестных

осталась неопубликованной (см.: Д. В. Скрыченко. Памяти пермского историка А. А. Дмитриева. — Исторический вестник, 1903, август, стр. 575) и содержание ее нам не известно.

[1] Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 712—719.

[2] С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Исторические записки, т. 21, [М.], 1947, стр. 254—270.

[3] В. Н. Татищев. История российская с древнейших времен..., кн. I, ч. 1. М., 1768, гл. IV (стр. 29—51).

[4] Мы даем современные шифры этих рукописей, несколько отличные от тех, которые приведены С. К. Шамбинаго.

[5] С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.